

КАЛИНИНГРАДСКИЙ ЭЗОТЕРИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР "93 IN 39"
КЛУБ ПОЭЗИИ И АВТОРСКОЙ ПЕСНИ "АДЕЛАИДА"
И БРАТСТВО ПО ВОДЕ (АЛЬТЕРЫ САЛАНГАМЕНЫ)

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

А

В

Д

Ж

И

Р

Х

М

В

И

А

литературный

альманах

народа Звезды

Вып. 7. МЕДМЕТ

МКАД

МОРЕДНЕТ

(СТИХИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ)



Литературный альманах Народа Звезды

ДАДАНГАМЕНА

Вып. 7.

*Антология материалов 2002-2006 года
с корректурой и добавлениями.*

*Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов
разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала
и указания электронного адреса журнала (<http://apokrif93.a-z-o-t.com>).*

Copyright:

- © Клуб поэзии и авторской песни
«Аделаида», 2002-2006;
- © Братство по Воде, 2002-2006;
- © Калининградский
эзотерико-информационный центр
«93 in 39», 2010;

а также авторы журнала:

**Medmet
Mkad
Moredhel**
стихи, рассказы, сказки

Евгения Чугреева
(рисунок на обложке)

Редактор, корректор, верстальщик:

Fr. Nyarlathotep Otis.
236000 Калининград,
ул. Нарвская 17, 11.
<http://alther.narod.ru>
<http://apokrif93.a-z-o-t.com>
E-mail: 93in39@gmail.com

За помощь в корректуре
выражаем признательность
Samurai (Киев).

Gedmet

а на парте в солнечно-жёлтых созвучиях
зеленели огромные грибы-поганки
пурпурились пузырчатými горошинами
распухали нагло рыжими всполохами
остывали буро-синими синяками
подпрыгивали до потолка
вытрезвонивались красно-яркими котлетами
обукечивались звонко-сахарными брызгами

ТУБЕРКУЛЕЗА...

а солнце сзади припекало мне ухо

Про матроса

девчонка полюбила красивого матроса
а он уехал в индию
заниматься тара-тантрой
плохой богатый парень взял девчонку в жёны
а она тогда возьми да утопись
прыгнула с обрыва а там плыла акула
раскрыла пасть и съела
девчонку не жуя

на семи ветрах в огнеликом сне
через пустоту
по семи волнам да край земли
прямо в гроб, прямо в гроб

доброй акуле было очень тяжело
ведь плывёт она в индию где белые слоны
в мокром чёрном брюхе было тоже неудобно
но девчонка оставалась там милому верна
и вот смотрит на берег а там белый слон
а на слоне её в короне
желанный матрос
она ему кричит — вернись матрос ко мне
а он ей отвечает — твоя душа во тьме!

мёртвым матросам бури нипочём
ты так и знай
оживай мой мальчик забывай любовь
уплывай, уплывай

а он ей отвечает — ты пахнешь как могила
но это не могила это новая песня
он ей отвечает — у меня давно всё было
и мне теперь жизни смерть интересней

и вот девчонка плачет и акула её плачет
и всё небо с ними плачет
и плывут облака

рассеянно перебирая
жёлтые чётки
дней
перелистывая мягкие
остывающие страницы
стихов
видеть
как сквозь тяжёлые шторы
вливается матовый свет

затягиваться лёгкой
дешёвой сигаретой
смешивая густой дым
с циркуляцией пыли
и намеренно уронив пепел
себе на запястье
поддаться неконтролируемой любовной инфекции
выйти на улицу
где приветливые мертвецы
гуляют по весенним лужам
слушают в наушниках брамса
глотать сырой чахоточный воздух
на засолочных крышах

и вдоволь надышавшись
терпким густым запахом
осознанной необходимости
остаться наедине
с безукоризненно прямоугольным
чистым листом
мучительно вглядываясь
в обволакивающую белизну
бесформенной антиципации
замыкая колеблющиеся центростремительные
круги
психоматических импульсов
перебирая натянутые металлические волокна
мыслей
с каждым ускользающим мгновением
пытаясь попасть
в непредсказуемый ритм
хронометра

который не задумываясь о собственном предназначении
продолжает отбивать тяжёлые размеренные

удары

десять

сто

тысяча

миллион

упасть

на иссиня-чёрный паркет

сдавить горло потными солёными клешнями

кривляться плакать

умолять

требовать смерти

чтобы вновь вырвавшись из душного ограниченного пространства

бежать спотыкаясь о досадные закономерности

забытые смыслы замирающие голоса

детские воспоминания

строительный мусор

грязь

и иссохшим пупырчатым языком

лизать

мокрые гладкие камни

и тогда

после беспокойных блужданий и ветра который кружит

подобно голодному зверю в коричневых складках пальто

после неподвижного безразличия

усталости

вымученной радости

смеха

после спонтанных и горьких

ноэматических семяизвержений

после времени

после войны

после потопа

после долгой скрипучей зимы

стряхнуть облупившуюся

пыльную краску

порвать истощившуюся жёлтую бумагу

сознания

нетерпеливыми руками
открыть
мутное испачканное стекло
окончательно
задохнувшись
В НЕОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ

Свиньи

свиньи за облаками
расправили гордые крылья
летят они словно кастрюли
над долиной сонной и мирной
весёлый молочник им машет фиолетовым унитазом
смеются фашисты в окопах
в том виноваты газы

о голубая свинья!
копчёный бекон подсознания
мудрая чудо-свинья
ты все мои знаешь желания

помнишь как весело было
ты с гегелем в пашки играла
свастику на пяточке
маркером нарисовала

а помнишь мы ели булки
и запивали кефиром
под музыку роберта майлса
с варением и кетамином

прошу тебя по-человечески очень
товарищ свинья!
не улетай
эх... пикирование, гул пропеллера
куда же летишь ты?
в рай

Спрячь

старый шаман начинает камлание
режет дерево кладёт ветки в огонь
но северный ветер сорвёт с петель двери
собьёт с ног шамана
опрокинет котёл
и души мёртвых уже не вернуть
им предназначен таинственный путь
в темноте

так дайте каждому алхимику звезду
чтобы он её спрятал в высокой траве
дайте каждому будде просветление
и бутылку дешёвого кьянти
чтобы болела его голова
чтоб разлетелась его голова
на тысячу звёзд

каждый солдат получит откровение
и пойдёт месить пыль беззвучных дорог
мёртвая птичка очнётся в подземелье
полетит на свет где ждёт её бог
но нет бога и нет любви
кроме медленной смерти

так дайте каждому алхимику звезду
чтобы он её спрятал в высокой траве
дайте каждому будде
бутылку дешёвого кьянти

Q kad

50 на красное мало
50 на чёрное много
дай мне подумать
выдумать ли Бога
или просто поверить
мало или много
ставки уже сделаны? плохо
а то мог бы
да что уже МОГ БЫ
если хотел бы
давно бы поставил
а сейчас уже поздно
ну же крутись
делай мне плохо
хорошо бы не превратиться в лоха
высмеять могут за Бога
за вашего впрочем Бога
что там? ну сколько же можно!
дай мне ещё немного
вам ли не верить в удачу
вон сколько напортачил
где? талисманов пачка
пачкаться не хочу — мрачно!
ладно бы был бы мачо,
а то ведь что та кляча
ну хорошо удачи!
завтра приду
попробуем снова

постепенно сворачиваюсь. мысль уже не та. узкая мысль.
сдвигаюсь влево. постепенно сдвигаюсь влево.
туда — к красным всполохам нового мира!
туда — к огненной реке нового мироздания!
а люди говорят, что там опасно.
а мне наплевать.

мне наплевать на то, что думают другие.
пусть думают что хотят. на то они и другие, чтобы думать
что-то отличающееся от того, о чём думаешь ты.
пусть думают, что я сошёл с ума. мне наплевать...
бороться не с чем. легче просто не думать, но это как-то мало
получается, я ведь не могу не думать вообще, а думая о чём-то,
я, естественно, думаю и об этом.
об этом. этом. будем называть это «Э».

будем называть это «А».
будем называть это «Е».
будем называть это «Д».
будем называть это «М».

— третьи сутки война
третьи сутки ем снег
третьи сутки в сознание
всплывает она
миром правит рекламный плакат
«НЕ БОЛТАЙ!»
с указательным пальцем прижатым к губам
завалиться бы спать
но вокруг тишина
она давит, она раздвигает глаза
миром правит любовь
третьи сутки
...война...
третьи сутки ем снег —

мир воспринимался мозгом чуточку по-иному.
Чуточку по-иному смотрят глаза.
и словно маленькая вселенная в тебе.
(сделаем паузу, выпьем чаю и присмотримся...
легко
ощущение полёта
словно детские качели
и страшно
и вновь
...словно маленькая вселенная в тебе...)

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

знаешь, это так прекрасно!
альтернативная концовка фильма, обескураженный Happy End
периодически хочется в другой мир —
туда, где лезвия со штампом МПС —
билет в мир ещё более отдалённый
-страусы бегают в одиночку-

-диктатор декламирует декартовские догмы
диктатор дирижирует народными массами
диктатор просит милости, диктатор тревожится
трус стал богом, бог — сапожником-

дым щиплет глаза, вызывая полезные слёзы
киты не хотят огорчать китов
выбрасываются на берег.

ты спишь, а твои волосы приветливо улыбаются
и просят оставить сигарету «на потом».
я оставляю и ухожу. пусть тебе будет приятно.
тебе и... твоим волосам.

мы сидели на кухне и пили кофе(чай), курили сигареты
или наоборот курили сигареты и пили кофе(чай). я люблю крепкий —
с привкусом горечи во рту.
незабудковый.

-становится белой блинная поверхность
ты мне говорила: «самое главное душевная верность»
я соглашался и резал вены
тело тленно

яйцевидный суицид

солёное солнце

делай что хочешь
— тебе не холодно?
...я тоже в этом не признавался.

а из магнитофона:
beautiful people
пиздатые люди!

вечереет. постепенно становится темно. солнце садится вниз —
за горизонт. так каждый день — вечером становится темно.
на плите дымится ужин.
курица с жареной картошкой. просится внутрь.
я не пускаю. я не хочу никого пускать.
она стелет постель...
— не надо простыни подушку и одеяло
так каждый день
— не надо простыни!
она подходит и целует меня. привычные ласки. мне не страшно.

может быть, если бы она существовала в реальности, было бы страшнее.
страшнее потому, что это вошло бы в привычку.
во сне мне всегда хорошо.
снится протяжённость: коридоры, улицы, небоскрёбы.
просыпаться всегда плохо: вечный потолок над головой.
вчера был в калининграде. сегодня, впрочем, тоже был.

калининград обычен. дома не лучше: курица с жареной картошкой и потолок.

— прости.

— займи пять рублей до завтра.

я просто хочу жить. нет. я хочу просто жить.

хочу ли я жить?

не нужно расценивать эти слова

как готовность сиюминутно умереть.

пил позавчера и вчера. портвейн. самогон.

не помогло. сознание не уснуло.

питалось от подсознания.

воспоминания лезли большими порциями.

я не пускал их. потому, наверное жить ещё хотелось.

я взял кусочек и стал наращивать его.

постепенно получилось нечто большое и бесформенное — жизнь.

я оставил её себе. так удобнее. посмотрим что будет дальше.

кто она? я люблю её? может быть, «Я» любит её?

может быть, мне просто нужна «любовь»?

она и её любовь. её любовь ко мне. кто она?

выпал снег. чистый. его ещё не заляпали грязью. не успели.

возможно, для него было бы лучше не выпадать.

ведь заляпают же! будет лежать грязный.

снова пил. вчера и позавчера. оба раза самогон.

снова не помогло, разве что голова стала болеть сильнее.

разочаровываюсь в удобстве жизни, о котором писал выше.

жизнь не агонизирует, не скачет галопом, не брыкается.

а, впрочем, кому это надо?

— привет.

— нет...

и я ушёл.

— привет.

её нет нигде...

и дождевые капли — словно слёзы, и на всё наплевать.

так бывает иногда.

Я сводный сын

Двоюродного брата

Родной сестры Артура Кларка

Гуляю только по ночам

Мне днём ужасно жарко.

Я чёрный Бог пластмассового спаса

На стеариновой крови

И после пятого напаса

Я крут как ни крути.

RICH

Да! Я богат
Я в жизни всё познал
И радость и печаль...
Да! Я богат — от жизни я устал
Мне опостылел мой родной причал.
Я ждал благословения Христа —
Его не получил.
И дьявола я тоже не нашёл.
Я жил всегда так как отец учил
Из жизни этой незапятнанным ушёл.

Ничего, мы изменим реальность...
...Чорт! До чего же я невнимателен...

The Doors

Давай усыновим маленького японца лет шести. Построим дом на берегу моря.

...будем заниматься любовью, освещаемые красными лучами заходящего солнца и обдуваемые солёным морским ветром, под музыку «кельтов».

...у меня будешь ты и жёлтые осенние (зелёные летние) поцелуи, ещё будет летний дождь — тёплый-тёплый, под таким так! интересно целоваться и ничуть, кстати, не мокро... А что будет у тебя?

...ты будешь варить суп с макаронами-ракушками, а я буду резать лук и плакать...

...наш маленький шестилетний японец будет играть во дворе с большой пушистой собакой (как мы её назовём?), вскидывая голову вверх, смеясь над солнцем и над всем, что его окружает. Смышлёный малыш...

...ты красиво танцуешь под The Doors. У тебя красивые руки. Двигаешь ими в такт музыке, создавая психоделическое настроение...

Джим Моррисон у меня в голове.

Двери открыты.

Мы кружимся с тобой в безумном танце, сотканном из любви, «музыки дверей», поцелуев, смеха и надежды.

Двери открыты.

Что это? Лишь отражение действительности, проникновение в её суть или ностальгия по ускользающему будущему?

Это как пирожок с капустой — в нём можно найти всё, что угодно. Стоит только хорошо присмотреться...

О чём ты думаешь сейчас? Возможно, ты думаешь о дожде за окном и о той атмосфере, которую он создаёт, о том приступе одиночества, мгновения которого хочется одновременно и продлить и...

Музыка помогает понять если не всё, то многое из того, что хотелось бы понять, пережить. **Хочется бросить карандаш... и... тихо уйти... плакать навзрыд... прикоснуться к твоей руке... и обнять на целую вечность... слиться воедино... and then he faleh...**

Ты помнишь?.. ты хочешь помнить? или как страшный сон — стоит проснуться, выкурить сигарету (или умыться), и всё проходит — на круги своя.

...не перестаю твердить — я делал из отношений культ, возможно, следовало делать из отношений отношения.

нужно что-то менять

Мыслям тесно в голове,
Словно тесто в руках повара,
Подумывающего о работе шефа.
Уехал бы в Грецию — там много места,
И всё есть, как в пирожке с капустой.
Ты любишь меня? Правда? Честно?
Я тебя тоже. Мне лестно, что чувства взаимны.

Недостаточно плох для чего?

Утро непонимания. Вечер недоразумений — и снова звонки в неизвестность. Посмотрим, во что это выльется. А сейчас душно, нужно пойти покурить.

00:10

*купе V место 20 вагон № 5
поезда «Санкт-Петербург — Мурманск»*

Перечитываю старое. Вспоминаю... Переписываю. Я понял, что избавиться от прошлого можно, переделывая прошлое — переписывая. Помогает иногда.

Мне сказали однажды: «Ты должен научиться смотреть, видеть, слышать, слушать, заниматься любовью, чувствовать, любить, ненавидеть, плакать, разговаривать, писать, ходить в туалет, кушать, пить, подтираться, разговаривать, смеяться, читать, учиться, спать, бездействовать, бодрствовать, курить, выпивать, делать покупки, мыться, дарить и принимать подарки, бриться, стричь волосы и ногти, причёсываться, болеть, служить в армии, работать, платить штрафы и налоги, целоваться, кусать, плевать, подметать, мыть, вытирать пыль, уважать и требовать уважения, “уходить в себя”, делать выводы, принимать решения, стареть, думать, рассуждать, строить планы, оглядываться на прошлое, забывать, принимать некоторые вещи как должное, не давать необдуманных клятв и обещаний, вешать лапшу на уши, улавливать смысл происходящего, терпеть, сажать дерево, терять терпение, ругаться, готовить пищу, требовать, стремиться к звёздам, варить пищу, доверять, подвергать сомнению, перегибать палку, тратить деньги, терять, находить, ломать, потеть, убивать, бить, ждать, брать, наслаждаться, остерегаться, острить, сдавать венозную кровь, радоваться, обсуждать, чавкать, дремать, паниковать, кричать, стучать молотком, соглашаться, искоренять, уничтожать, наклеивать почтовые марки, беситься, просить, признаваться в любви, осознавать, исполнять, подчиняться, дотрагиваться, молиться, щупать, щипать, раскалывать грецкие и кокосовые орехи, рисовать, задавать вопросы, отвечать на вопросы, бездельничать, кормить тараканов варёным яйцом с бором, критиковать, оценивать, выть, валить вину на других, “уходить” от ответа, возбуждаться, строить из себя чёрт знает кого, бороться, устраивать демонстрации, отвечать на вопросы, желать, хитрить, завидовать, красить волосы и забор, воспитывать ребёнка, выгуливать собаку, заводить друзей, дружить, рыть канавы, клацать и скрежетать зубами, вырезать узоры из бумаги, накрываться одеялом с головой, стрелять из лука, управлять автомобилем, портить отношения, не верить в Бога, разводить рыбу, выставять свою кандидатуру на выборах Президента Российской Федерации, выжигать по дереву, платить штрафы, целоваться». Я поверил и стал так делать. Мне сказали однажды: «Ты человек». Я поверил и стал называть себя человеком. Мне сказали однажды: «Ты существуешь — живёшь». Я научился сомневаться.

24.07.06 22:00

Прозрение

Выходит воин одинокий
Сквозь свет восхода золотой.
Грядёт ему лишь путь далёкий,
Далёкий путь к земле родной.

Бродя по миру со щитом,
Лишь зло ты делал людям,
С высоко поднятым мечом
Ломал мосты их судьбам.

И нет уж сил идти вперёд:
Он понял, что он слаб,
Война его с ума сведёт,
Он слеп, но он не раб.

И он лишь хочет всё забыть,
Всё то, что так достало.
Он хочет мира, просто жить,
Жить так, чтоб ясно стало:

Мы люди все, и мы идём,
Наш путь — награда света
И лишь минутами живём,
От лета и до лета.

А правда есть одна на всех:
Чисты мы все с рожденья.
Но каждый делает свой грех,
Начав в душе сражение.

А воин мчится одинокий
По рощам тёмным, по глуши,
Туда, где дом его далёкий,
Далёкий дом больной души.

Сделай свой выбор

Свет или тьма, дай свой ответ.
Делай же выбор, времени нет.

Долго ты жил между «небом-землёй»,
Вполне был доволен серой судьбой.

Смотри, горизонт озарился огнём,
Храмы пылают и ночью, и днём,

Небо закрыло облако яда,
Земли гниют от крови и смрада,

А ты на распутье в раздумьях стоишь.
Ни спешки, ни крика, ты просто молчишь.

Мечтаешь о мире без страшных смертей,
Где солнце играет на лицах детей,

Где вечное лето дарит тепло,
Где воздух кристальный, дышать так легко.

Ты хочешь скорее вернуться туда?
Бороться со злом придётся тогда.

Но, может быть, зло овладело тобой?
Оно твою душу закроет собой.

Ты должен решить, что ближе тебе,
Что шансы дарует серой судьбе.

Есть выхода два, но путь только один:
Выбери тот, что с тобой лишь один.

Этой войне множество лет.
Делай же выбор: тьма или свет!

Doedhel

(СТИХИ, РАССКАЗЫ, СКАЗКИ)



Исповедь братоубийцы

Послушай мой рассказ, рождённый. Быть может, ты осудишь меня, скажешь, что я был не прав, потому, что тебя так воспитали твои родители и наставники. А меня некому было воспитывать. У меня не было родителей. Я — Перворождённый.

Возможно, когда-нибудь будут говорить: «Всё это неправда, не было никаких Перворождённых». Но подумай — если в землю не бросить зерно, то разве взойдёт колос, чтобы можно было собрать с него зёрна для нового посева? Весь Звёздный Народ — потомки Перворождённых, а нас было не так уж много.

Мы видели, как Боги творят Мир. И, быть может, они продолжают творить его и по сей день, но сейчас это не так заметно, ибо в Мире осталось слишком мало Пустоты. Так мало, что вы, рождённые, скорее всего, никогда с нею не сталкивались. Какое же это странное и чарующее ощущение — в очередной раз, идя по знакомой тропе, заметить далеко впереди высокую гору, точно зная, что вчера её там не было. «А что же там было?», — спросите вы. Не уверен, что вы меня поймёте, но всё же попытаюсь объяснить... вчера не было никакого «там». Была просто Пустота, которую нельзя увидеть, услышать или потрогать и которую Боги заполнили ещё одним маленьким кусочком этого огромного Мира.

Итак, моё имя — Мэлион. Перворождённый Мэлион. Не знаю, кто, когда и почему дал мне это имя. Я пробудился с этим именем на устах, зная, что оно — моё.

На языке Звёздного Народа моё имя означает «Дитя Любви», но мало во мне любви, и не было у меня детства. Вместе со мной пробудились ещё три сотни Перворождённых, и не было среди нас таких, кто был бы сильно схож с другими.

Одни нашли своё призвание в охоте, других больше привлекали целебные травы, третьи чувствовали в себе силу Магии. Юный Мир вокруг нас менялся с каждым днём, а вместе с ним менялись и мы. Мы постигали его тайны и становились его частью.

Шли годы — ночь сменяла день, лето падало в осень, и с каждым мгновением мы становились старше и опытнее. Шалаши перерастали в землянки, землянки превращались в дома, каменные орудия сменялись металлическими. Нас становилось всё больше, и уже не одно, а восемь поселений нашего Народа расположились в лесу Эландрил. У каждого племени появились свои обычаи и традиции, и у каждого — свой вождь. Я жил неподалёку от селения, в котором правил Эленгор Высокий, но не было надо мной ни вождя, ни Бога, и не подчинялся я никому, кроме зова моего сердца. Вам, наверное, интересно, чем я занимался — ведь я рассказывал вам об охотниках, целителях, магах... Я был воином. Первый выкованный из стали меч принадлежал мне.

Я осознал своё призвание примерно через три года после пробуждения, когда, после одной долгой и трудной борьбы, я наконец свернул шею твари, пригнувшей мне на спину, когда я, простите... ну да неважно. Тогда я решил

заняться уничтожением родственников этой «милой» зверюшки и им подобных.

Моё тело постепенно покрывалось причудливой паутиной шрамов, но вместе с болью приходила сила и опыт. Ни один шорох не ускользал теперь от моих чутких заострённых ушей, ни одно малейшее движение не оставалось незамеченным для моего взора. Даже раны стали теперь заживать быстрее. Хотя, быть может, это мне только казалось из-за того, что меня теперь ранили значительно реже. Я уничтожал монстров с невероятной скоростью, но на их места приходили такие же, или ещё хуже.

Временами я покидал своё прекрасно защищённое убежище в лесу, и выбирался в селение, где, к слову сказать, меня встречали достаточно неприветливо. Им, видите ли, не нравилась моя «кровожадность». Глупцы! Им никогда не приходило в головы, что, если бы каждая тварь, убитая мною, съедала бы в год хотя бы одного из их селения, бедные зверюшки вымерли бы с голоду ещё много лет назад. А они, твари, к слову сказать, ещё и размножаться умеют.

Племя Эленгора меня побаивалось, недолюбливало и старалось не трогать. Ну и ладно, мне до их благодарности-то, собственно, дела не было, поскольку я уничтожал тварей из соображений несколько иных, нежели спасения скопища недалёковидных сородичей. Так что я старался лишний раз у них не появляться, чтобы не спровоцировать ненужный ни им, ни мне конфликт. Хотя всё же изредка я заходил, чтобы обменять накопившиеся у меня выделанные шкуры на кованые изделия — топор, меч (как я уже говорил, первый стальной меч принадлежал мне), шлем и многие другие товары местных кузнецов. При помощи топора и молота я вскоре превратил своё лесное жилище в настоящую неприступную крепость: времени у меня было хоть отбавляй, силы не меньше, а вот попытки моих лесных любимцев пробраться ко мне в гости могли когда-нибудь увенчаться успехом. Как говорится, жить захочешь — и не на такое пойдёшь. А жить мне хотелось.

Временами у меня появлялось желание уйти из этих мест на несколько лет, побродить по миру, а затем, вернувшись, узреть толпы вредных животных и остатки Звёздного Народа... причём остатки будут только в том случае, если эти болваны вовремя сообразят, с какой стороны надо братья за меч, и выйдут-таки на большую охоту. Но, видимо, я был слишком добрым, или, может быть, слишком ленивым, и потому остался.

Чего я никак не мог понять в поведении моих сородичей, так это того, почему они, такие дружные, добрые и хорошие, не объединят свои маленькие селения в одно большое и не обнесут его каменной стеной? Ведь так значительно легче обороняться... Ну, ладно, допустим, что, благодаря мне, племя Эленгора до сих пор по-настоящему не столкнулось с серьёзной опасностью — большинство тварей было уничтожено, а остатки оных в значительной мере утратили свою храбрость в нападении на двуногих и вряд ли осмелились бы напасть даже на троих взрослых мужчин, а меньше чем по трое мои сородичи, как правило, по лесу не ходили. Ну, ладно, эти жили под моим крылышком и радовались. А остальные?

Или твари водились только здесь? Или в каждом поселении был свой Мэлион? Куча вопросов, и ни одного ответа. Впрочем, свою безопасность я себе обеспечил, а остальным я не нянька.

Однажды вечером, когда я отсыпался после хорошей охоты, стойившей мне сломанного ребра, меня разбудил громкий визг. Проснувшись, я выругался, вооружился и пошёл наказывать нарушителей моего покоя. Добежав до огромного дуба, я увидел прижавшуюся к нему девушку лет двадцати, из последних сил отбивавшуюся от довольно крупного монстра. Уж не знаю, какое желание взяло во мне верх — помочь сородичу или убить ещё одну тварь, — но я метнул пилум. Целился я в голову, но попал в шею, что, в общем-то, тоже не так уж плохо. Как раз во время моего броска тварь полоснула девушку когтем от шеи до печени. Подбежав, я убедился, что артерии не задеты, но если ей срочно не помочь, девушка быстро истечёт кровью.

Не знаю, что вы подумаете, но, чтобы обработать такую рану, мне было необходимо разорвать на ней платье. У меня перехватило дух — я никогда не видел столь совершенного женского тела. Я откинул пропитанные кровью волосы с её лица, и узнал... Лариэль, дочь Эленгора Высокого. Приплыли. Не теряя времени, я аккуратно перенёс её к своему убежищу, промыл рану и наложил на неё повязку с мазью из целебных трав, не раз спасавших мне жизнь. Лишь после этого я смог спокойно вздохнуть и выругаться.

«Интересно, что её понесло в лес, одну, да ещё и после заката Солнца? — подумал я, — Или... не совсем уж одну? Ну конечно же, она стояла возле огромного дуба — наверняка у неё там было назначено свидание». Не знаю, почему, но это меня немного разозлило.

Затем я взглянул на неё, и понял причину столь внезапно посетившего меня приступа злости — я просто влюбился в неё. Малышка Лариэль! Я даже помнил, какую замечательную пирушку закатил Эленгор по поводу её рождения. Я случайно оказался рядом, так мне, несмотря на мою чуждость, даже чашу вина поднесли...

«Как же быстро летит время... — подумал я, — всего-то двадцать с небольшим лет назад я пил вино за твоё рождение, а теперь ты тяжело раненная лежишь без сознания на моём ложе, а я сижу рядом и смотрю на тебя влюблёнными глазами, очарованный твоей красотой».

Шло время, она постепенно выздоравливала и всё чаще приходила в сознание. Я кормил её, поил тёплым бульоном и отварами из трав, менял ей повязки, сидел возле неё, словом, заботился о ней, как мог. Она, по всей видимости, принимала меня за целителя из соседнего селения, так как не проявляла никаких признаков страха или отчуждения. Когда я убедился в том, что процесс выздоровления окончательно наладился и даже целители племени Эленгора не смогут ничего испортить, я сшил ей одежду из шкур, напоил сонными травами и, едва взошла Луна, понёс её к дому её отца. Уложив её на лавке возле дома, я постучал в дверь, и тихо удалился в лес.

Три долгих месяца провёл я в одиночестве, вдруг ставшем для меня таким тяжким. Наконец, решившись, я облачился в лучшие одежды и направился к вождю Звёздного Народа, Эленгору Высокому.

Я подошёл к высокой дубовой двери, украшенной красивой резьбой и серебряным плетением, и, помедлив несколько секунд, громко постучал. За дверью раздались уверенные, громкие шаги, я услышал звук отодвигающейся задвижки, и передо мной предстал вождь.

— Ярких Звёзд твоему дому, Эленгор.

Вождь нахмурился:

— Привет и тебе, Мэлион. Что привело тебя ко мне?

— Как здоровье твоей дочери, вождь?

Эленгор, тяжело вздохнув, ответил:

— Рана была тяжёлая... наши целители сумели отвести от неё опасность, но, боюсь, этот ужасный шрам... Но постой! — вдруг воскликнул он, — Почему ты спрашиваешь об этом?! Что тебе за дело до здоровья моей дочери?

Я ухмыльнулся:

— Хотел услышать от тебя комплимент в адрес моих способностей целителя.

Вождь широко раскрыл глаза от удивления.

— Так это... это ты... тебя... — вымолвил он.

— Я. Меня, — произнёс я. — Можешь не благодарить. Я пришёл не за благодарностями.

— А за чем? — Эленгор, казалось, перестал что-либо понимать.

— Ну, во-первых, осведомиться о её здоровье, — несколько секунд я молчал, собираясь духом, затем на одном дыхании выпалил, — а во-вторых, я хочу просить её в жёны.

За время нашей беседы на лице вождя отразилась удивительная гамма эмоций: настороженность сменилась удивлением, удивление — растерянностью, к растерянности добавилась благодарность, затем — полнейшее непонимание... и под конец — взрыв возмущения. Мне тогда показалось, что если бы земная твердь разверзлась прямо у его ног, он был бы менее шокирован. Когда, наконец, к нему вернулась способность говорить, он воспользовался ею в полной мере, навёрстывая упущенное время:

— Да как ты смеешь?! — заорал он, покраснев от гнева, — Ты... ты...

— Я. Ты что-то имеешь против меня, вождь? — я сжал кулаки.

— Ты, мясник, чьи руки по локоть залиты кровью; ты, хищник, который и дня не может прожить, не убивая; ты, зверь, живущий в своём грязном логове, смеешь просить руки моей дочери?! — Эленгор слегка снизил голос, но, видимо, решил высказать мне то, что обо мне думают во всём поселении.

— Я, воин, который на протяжении нескольких десятилетий спасает ваше жалкое пристанище от полного искоренения; я, охотник, который спас твою дочь от верной гибели; я, целитель, который вылечил её смертельную рану, прошу её руки, — мне кажется, в моих глазах полыхал огонь, а в голосе звучала сталь.

— Убирайся.
— Ты отказываешь мне, вождь?
— А ты в этом сомневался?!
— Я надеялся на твоё благоразумие.

Эленгор расхохотался.

— Благоразумие? Благоразумие в том, чтобы отдать мою единственную дочь на растерзание такому, как ты? Да ты ещё хуже той твари, от которой ты её спас, если ты не лжёшь. Убирайся, а не то мы выпшвырнем тебя. А в знак благодарности... — вождь сорвал с пальца перстень и швырнул его мне под ноги, — забирай. И запомни, если ты ещё хоть раз покажешься в моём поселении — тебе не жить.

От ярости у меня потемнело в глазах. В моём взоре отражался перстень, брошенный мне как плата. В моих ушах, раздирая барабанные перепонки, бились угрозы вождя. Не говоря ни слова, я развернулся и побежал в лес.

«Вы отвергли меня, сородичи. Ты оскорбил меня, вождь. Ты отвернулась от меня, красавица Лариэль, иначе твой отец не посмел бы так разговаривать со мной. Вы предали меня. А я уничтожу вас. Вы видите меня зверем — я стану им».

У меня появилась своя Стая. Я вёл тех зверей, что раньше были моими врагами, к тем, кого я раньше считал своими сородичами. Это было в день Воды, когда все женщины и молодняк, не достигший двадцати шести лет, собирався на Большом озере и устраивал гуляния. Я знал, откуда легче всего проникнуть в селение. Я шёл на свой Бой.

Битва длилась недолго, они почти не оборонялись. Мы пронеслись по селению, как ураган, уничтожая всё живое на своём пути. Наконец, я добежал до дома Эленгора. Как бы ни была крепка дубовая дверь, мой меч и мои мышцы оказались крепче. Когда я ворвался в дом, он стоял посреди гостиной с тяжёлым копьём в руке.

— Вот мы и встретились снова, вождь, — прорычал я.

И затем я ударил. Эленгор неумело вскинул вверх руку с копьём в последней жалкой попытке защититься. Но он не умел драться. Я — умел.

Сняв факел со стены, я поджёг его дом, а также все дома неподалёку. Стая, похватав добычу, устремилась обратно в лес. Я постоял ещё некоторое время, любуясь пламенем, а затем ушёл. Я не заходил в своё убежище, оно больше не было моим. Я просто шёл, куда глядели глаза, и вот теперь я дошёл до вас, и вы услышали мою историю. Исповедь братоубийцы. А теперь — судите.

Висящий на скале

Итак, я очнулся. В первую очередь я понял, что не чувствую своего тела... Хотя при этом я видел его во вполне обычном ракурсе. Осмотрев себя, я осознал, что прикован почти к самой вершине отвесной скалы. Прикован за все конечности. Правая рука — высоко над головой, левая — на уровне пояса. Ноги — примерно на ширине плеч, правая чуть подогнута.

Вокруг меня, насколько далеко я мог видеть, простиралась выжженная пустошь. «Неужели, это всё — я?» — промелькнула в голове мысль, и я понял, что ничего не помню. Я знал, что моим нынешним положением я обязан Врагу, хотя я не мог вспомнить (а знал ли?) ни его имени, ни лица.

Солнце медленно двигалось по привычному, давно проложенному маршруту. «Наверное, сейчас жарко», — мысль пришла по привычке, доказывая, что у меня было какое-то прошлое. Именно в тот миг я стал делить всё происходящее на «Тогда» и «Теперь». Я взглянул на Солнце. Яркое, белое, в чёрном ободке, оно не обожгло мне глаза. Я ощутил, что то светило, которое я Тогда привык считать враждебным, проявляет Теперь ко мне потрясающее равнодушие. В свою очередь, я постарался ответить ему тем же.

Высоко надо мной, в сторону заходящего Солнца, пролетела птица. Я понял — это посланник. Не знаю, как я это определил, но сложилось впечатление, что я это просто знал.

Когда птица улетела, я максимально расслабил мышцы шеи, пытаюсь погрузиться в забвение. Я знал, что помощи ждать неоткуда: те, кто мог бы прийти — не придут; те, кто хотел бы — сейчас нуждаются в помощи не меньше меня. Хотя, странно — но я не чувствовал, что нуждаюсь в помощи.

Я пришёл в себя от пристального взгляда. Передо мной стояла (в тот момент я забыл, что меня и то, на чём можно было бы стоять, разделяло много десятков метров)... итак, передо мной стояла невысокая, даже, пожалуй, низкая (на земле она, наверное, едва достала бы мне до ключиц) девушка. Мягким жестом она подняла мой подбородок и пристально взглянула мне в глаза.

Если бы моё тело повиновалось мне, я бы, наверное, вздрогнул. Я никогда (я знал это!) не видел *таких* глаз. Вся грусть и скорбь, которую можно было бы собрать вместе, была сосредоточена в этих прозрачных, светло-голубых глазах.

Кажется, она долго смотрела на меня... Я не уверен. Я не мог оторвать взгляда от маленьких зрачков, чёрными прорубями пронзавших озёра Отчаяния, чтобы рассмотреть её. Затем она отвела взгляд, тихо вздохнула и прошептала:

— Нет, ещё нет...

У меня возникло ощущение, что я должен был знать, о чём она говорила; и я был в глубине души не согласен с ней, и я ждал других слов, но мне нечем было возразить — ибо я знал, что она не ошибалась. Просто она никогда не ошибается. Не может на самом жёстком уровне: просто не способна. Как порой тяжело осознавать себя истиной в последней инстанции — я сделал правильно, даже если чувствую, что был не прав. Это больше, чем

власть Богов: Боги рискуют незначительным порой мнением верящих в них. А ей нечего терять: у неё нет ничего, кроме её власти и абсолютной непогрешимости.

Послышался лёгкий шорох одежды, и я понял, что она удалилась. Я знал, что однажды она вернётся. Не сюда, не ко мне — за мной. Я знал это, но это знания не вызывало во мне никаких чувств, — я просто знал это, как знал и то, что буду вечно прикован к этой скале.

Прошло время. Подняв голову, я увидел в небе птицу и понял, что посланник возвращается. Когда она подлетела поближе, я увидел плоскую лысую голову на длинной шее и кривой, изогнутый клюв. Я, если так можно выразиться, отшатнулся в отвращении.

Гриф! Символ позора, бесчестия. Неужели мой Враг опустился до того, что прибег к услугам *таких* помощников?.. Мне вдруг стало невыразимо больно и обидно, и я опустил голову. Я скорее инстинктивно почувствовал, чем увидел или услышал, что мерзкая птица кружится надо мной, постепенно сужая круги, и медленно снижаясь.

Я не понял, как это произошло, но, когда отвратительное существо село на моё левое плечо, я изогнулся и, преодолевая отвращение, сжал челюсти на его шее. Говорят, птицы глупы, но в глазах грифа я увидел не просто страх. Он понимал, именно понимал, что обречён.

Но он ошибался.

— Запомни, — прорычал-прохрипел я, — ты, мразь! Никогда, понимаешь, никогда тень позора, который ты олицетворяешь, не должна осквернять Воина. Даже мёртвого. А теперь — убирайся, и передай своему хозяину, что я проиграл, но не побеждён.

Выплюнув эту мерзость, я инстинктивно вытер губы о плечо. Я знал, что он сможет выполнить то, что я ему приказал. Знал, что Враг поймёт, что я хотел ему сказать.

Солнце медленно скрылось, и наступила Ночь. Я знал, что всегда любил Ночь, её пение Звёзд, и тихий, ласкающий ветерок, но сейчас я увидел в ней также и другое наслаждение — покой, забвение, сон. Я знал, что это — моя последняя Ночь, но не мог сопротивляться её ласковому баюканью. Наверное, я уснул с младенческой улыбкой на потрескавшихся губах. Странно для меня, который привык ощущать время, проведённое во сне, как одно мгновение — заснул, и тут же проснулся. Странно, но в эту, последнюю, Ночь, я прочувствовал каждый миг сна.

Когда я проснулся, последние Звёзды растворились в светящем небе, и мне вдруг стало страшно: показалось, что они действительно исчезли насовсем... Навсегда. И я закричал:

— Ночь! Почему ты позволила мне проспать до утра?! Почему ты не дала мне попрощаться с тобой, урвать последний поцелуй прохладной песни ветра?..

— Зачем растравлять раны? Прощание только сделало бы расставание ещё больнее...

Я стиснул зубы. Больнее... Неужели что-то могло быть ещё больнее?..

Взошло Солнце. В замке, далеко за моей спиной, послышались орудийный выстрелы. Я знал, что это салют. В честь победы моего Врага, или, как он думал, в честь моего поражения.

— Жаль... — прошептал я, пытаюсь обернуться.

— Жаль, что ты не можешь этого видеть? — спросил насмешливый голос в моей голове. Наверное, это был *его* голос, хотя я, судя по всему, никогда его не слышал.

— Нет, — я покачал головой, — жаль, что я могу это слышать.

И тогда я упал. Упал, проваливаясь сквозь бездну скорби и отчаяния.

И снова — шелест одежда, пристальный взгляд, лёгкие пальцы, массирующие распухшие от оков конечности, — лишь теперь я понял, как наравне с душой страдало моё тело.

И голос, который я, наверное, додумал сам:

— Я вернулась. Пойдём...

Солнечный паучок

Дракончик медленно, лениво приоткрыл один глаз. Перед ним, в ворохе осенних листьев, безбоязненно прыгали мелкие пташки, выискивая уже начавших впадать в спячку жуков.

Дракончик весело фыркнул, отчего лежащие перед ним листья на мгновение исчезли в пламени, но не вспыхнули, вопреки ожиданиям, а лишь начали местами тлеть. Перепуганные пташки с возмущённым чириканьем вспорхнули в воздух, скорбя о потерянном завтраке.

Дракончик смущённо отвёл взгляд и опустил голову. Вздохнув, он встал, потянулся, с лёгким хрустом выпябая шипастый позвоночник. Потянувшись, он удовлетворённо оглядел своё небольшое тело, покрытое нежно-розовыми чешуйками, ещё мягкими после недавней линьки. Молодой представитель великого драконьего племени носил имя Фнуфф. Это знание пришло к нему ещё тогда, когда он был покрыт густой сладковатой жидкостью и хрупкой белой скорлупой. Но это знание не помогало ему охотиться или играть, поэтому он лишь изредка обращался по этому имени к самому себе.

Фнуфф был единственным драконом в округе, а, возможно, и во всём лесу. По крайней мере, за всю свою жизнь, а ему было чуть больше четырёх лет, он не встречал ни одного дракона.

Дракончик с шумом втянул ноздрями воздух и расправил крылья. С сожалением оглядев их, он пришёл к неутешительным выводам: подняться в воздух он сможет лишь на очень-очень голодный желудок. Фнуфф любил летать, но это у него очень редко получалось. И только в те дни, когда его мягкий округлый животик унылым пустым мешком волочился за ним по земле. И даже в этом случае ему не удавалось подняться даже на высоту собственного роста.

Дракончик огляделся по сторонам и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, быстрыми движениями передних лап разрыл землю прямо перед собой. В этом тайничке Фнуфф хранил своё любимое лакомство — жёлуди. Желудей оставалось немного — на два-три раза, если не набивать брюхо полностью. Он зажмурился, предвкушая наслаждение, и, широко открыв пасть, зачерпнул нижней челюстью заветное лакомство.

Фнуфф ничего не знал о драконах. Наверное, он бы удивился, узнав о том, что одним из любимых блюд среди настоящих драконов являются вовсе не жёлуди, а свиньи, для которых, в свою очередь, жёлуди весьма вкусны. Но, увы, некому было научить маленького дракончика Настоящей Драконьей Жизни, и некому было упасть в обморок при виде представителя гордого драконьего племени, весело съезжающего с горки на мягкой розовой части тела.

Кстати, съезжать с горки на этой самой части тела было одним из его любимых занятий, независимо от того, что сказали бы по этому поводу умудрённые годами гордые, величественные драконы.

Поэтому, пребывая в полном неведении относительно своих ужасных манер и пагубных пристрастий, дракончик рос и набирался житейского опыта. С детским восторгом и лёгкой ноткой осторожности он подумал о

скором приближении зимы. С одной стороны, ему не придётся поднимать отягощённое съеденными желудями пузо и тащить его вместе с собой к озеру, где он сможет утолить жажду — ему будет достаточно дыхнуть прямо перед собой и попить из лужи расплавленного снега, а с другой стороны, тех самых желудей зимой не сыщешь, а значит, пора приниматься за приготовления.

Дракончик испытал необходимость заготовки запасов на зиму ещё в первый год своего существования вне яйца. Тогда ему, ещё маленькому, дрожащему и робкому, пришлось обгрызать твёрдую, обмёрзшую и совсем невкусную кору с деревьев, чтобы хоть как-то спастись от наступающего голода. Но с тех пор он подрос — на целых полтора метра! И теперь он, умудрённый годами, совсем-совсем не боялся зимы, а напротив, с нетерпением ждал её наступления. Фнуфф ещё раз потянулся, расставив передние лапы широко в стороны, стукнул хвостом по земле, поднял своё округлое тело и, удовлетворённо выпустив в воздух тонкую струйку пламени, двинулся вглубь леса.

Пробираясь между деревьев, он заметил, что что-то блестит в морковных лучах осеннего солнца. Дракончик заинтересовался, подошёл поближе и увидел паутинку, натянутую между двух маленьких веточек молодого деревца. Как зачарованный стоял Фнуфф и, затаив дыхание, наблюдал за суетящимся маленьким паучком, которого солнце окрасило в весёлый золотистый цвет. Паучок торопливо чинил свою сеть: в нескольких местах наметились прорехи, чреватые серьёзным ущербом для его рациона.

Глядя на паучка, дракончик понял: происходит что-то очень важное. Важное не только для паучка, важное для него, Фнуффа. Наблюдая за маленьким зверьком, он должен постичь некую сокровенную тайну, доселе скрытую от него. А маленький прядильщик, не подозревая о возложенной на него ответственной миссии, продолжал трудиться всеми восьмью лапками, выпуская из себя тончайшую нить.

И вдруг дракончика осенило: паучок не понимает, как он это делает! Им движет Настоящий Животный Инстинкт! И Фнуфф подпрыгнул на месте, что было не так уж и легко, учитывая его вес. Он посмотрел на себя, оглянулся на кучу листьев и веток, которая в течение долгого времени служила ему постелью, и та вдруг показалась ему жутко неудобной. Он вспомнил вкус желудей, и тот показался ему отвратительным.

Дракон поднял вверх голову на смешной короткой шее и торжествующе, с рёвом, выпустил в воздух струю пламени.

В этот вечер он поужинал оленем.

Огромный багровый дракон медленно, лениво приоткрыл один глаз. По лежащей перед ним груде костей — остатки вчерашнего ужина — суетливо сновали крысы, выискивая остатки мяса на костях. Не поднимая головы, дракон презрительно фыркнул, выпустив всепоглощающий поток пламени, вмиг поджаривший неосторожных зверьков. Гигант на мгновение закрыл глаз и носом вдохнул прохладный вечерний воздух.

Дракон неторопливо встал, потянулся, с громким хрустом выгибая шипастый позвоночник. Он с удовлетворением оглядел своё великолепное

тело, покрытое лучшей бронёй, которую когда-либо создавала природа — твёрдой, как сталь, чешуёй цвета запёкшейся крови. Его, воистину являвшегося украшением драконьего племени, звали Фнуруахх, он узнал своё имя, убив своего первого сородича; в свои неполные двести лет он уже очистил принадлежащую ему территорию от четырёх взрослых драконов и трижды произвёл на свет потомство.

Он расправил свои могучие крылья, способные поднять в воздух в два раза больше его веса, гордо выпрямил шею, поднял голову к потолку пещеры и, удовлетворённый, выпустил уз ноздрей две струйки дыма.

Ветер застонал снаружи пещеры и, разойдясь, закинул в логово великого охотника несколько ярко-красных листьев.

«Осень, — подумал дракон. — Впереди зима».

Великий дракон любил зиму — ему нравилось играть своим могучим огненным дыханием, вытапливая из снега и льда причудливые фигуры. Но, с другой стороны, с выпадением снега некоторые животные впадали в спячку, другие становились менее жирными и питательными. Приходится отъедаться заранее, чтобы не испытывать неудобства до прихода новой весны. Фнуруахх неторопливо вышел из пещеры и взлетел, поднимаясь к заходящему солнцу, затем спикировал к лесу.

Он не знал, что привело его на эту полянку, дракону никогда не найдётся подходящей добычи в этой части леса. Прямо посреди небольшой прогалины в лесу рос могучий дуб, ему было почти двести лет. Если быть точным, дерево было на четыре года младше самого дракона. Описав круг над лесным великаном, дракон было взмыл обратно в закатное небо, но вдруг его внимание привлекло нечто. Он мягко, уверенно приземлился и подошёл к привлёкшему его внимание предмету. Прямо перед ним, почти засыпанная осенними опадающими листьями, лежала мягкая, нежно-розовая чешуёй.

Видеть красоту

Крыска весело бежала по утреннему лесу. Она никуда не торопилась, просто ей нравилось бегать по влажной от росы траве. В лучах утреннего солнца её серебристая шкурка переливалась всеми цветами радуги. Крыска наслаждалась окружающим миром.

Из-за куста выскочил маленький лягушонок и попрыгал в направлении маленького болотца. Крыска на миг остановилась, вслушиваясь в песню жаворонка, когда какой-то необычный звук привлёк её внимание. Кто-то неподалёку скрёб камень чем-то твёрдым. Заинтересовавшись, Крыска осторожно взобралась на холмик и огляделась.

На краю небольшой полянки сидел маленький чёрный зверёк и сосредоточенно точил когти и шероховатый камень. Крыска фыркнула — уж больно забавно выглядело это существо. Зверёк подскочил, обернулся на месте и принял оборонительную позицию: слегка привстал на задних лапах, поднял перед собой передние и оскалился. Заметив Крыску, он расслабился и, облегчённо вздохнув, присел.

— Кто ты? — спросила Крыска, смеясь. — И зачем ты точил когти?

Осторожно поведя носом, зверёк ответил:

— Я Барсук. А зачем когти точил... а какое тебе дело? — он настороженно нахмурился.

— Барсук? — Крыска удивилась. — А разве барсуки бывают такие, как ты? Чёрные, маленькие и худые?

— Ну... — зверёк смутился, — я особая разновидность барсуков.

Крыска снова рассмеялась.

— Так зачем ты точил когти-то?

Барсук гордо вскинул голову:

— Затем, чтобы быть самым сильным!

Крыска спустилась с холма и подошла поближе.

— А зачем тебе быть самым сильным?

Зверёк озадаченно посмотрел на неё.

— Как это зачем? Ну, чтобы никого не бояться, например... чтобы всегда чувствовать уверенность... чтобы развиваться.

— Смешной ты, — улыбнулась Крыска, разглядывая несуразное существо, — как будто в клетку сам себя загоняешь...

— Как это в клетку? — удивился Барсук.

— А вот так. Смотри — сколько вокруг прекрасного... а ты всё когти точишь да тело своё тренируешь.

— И что? — обиделся Барсук. — Что же мне теперь, забиваться в норку и дрожать при каждом шорохе? Я лучше когти наточу и сам буду лис да волков пугать! Пусть весь лес боится Чёрного Барсука!

Барсук гордо выпрямился, играя перекатывающимися под кожей мышцами.

Крыска склонила голову набок.

— Сдаётся мне, ты совершенно не понимаешь красоты этого мира... ты видишь в нём только угрозу, которой стремишься избежать. Хочешь, я покажу тебе красоту?

— Как это? — не понял Барсук.

Крыска вздохнула.

— Пойдём со мной — увидишь.

Озадаченный Барсук в последний раз провёл когтями по камню, осмотрел их и, удовлетворённый результатом, пошёл за Крыской.

Она показывала ему всё то, чем наслаждалась сама — весь мир. Она учила его ходить, не приминая травы, рассказывала о цветах и деревьях, приводила его на холмик, откуда очень удобно любоваться закатом. Вместе они пили утреннюю росу из лепестков шиповника и собирали маленькие ягоды земляники.

Барсук почти расслабился и перестал думать о том, чтобы стать самым-самым сильным. Это перестало быть нужным для того, чтобы никого не бояться.

— Скажи, Крыска, а как же хищники?

— Что хищники? — не поняла она.

— Ну смотри, мы так беззаботно бродим по лесу, неужели они нас не замечают?

Крыска загадочно улыбнулась и ничего не ответила.

И вот однажды ночью, когда они сидели на небольшом плоском камне и любовались звёздами, Барсук услышал шелест в траве за их спинами. Вмиг вспомнив всё то, чему когда-то учился, он молниеносно обернулся и принял оборонительную позицию. Из кустов, прямо на них, выползала огромная гадюка.

Крыска, обернувшись вслед за Барсуком, застыла, парализованная ужасом.

Бросив на неё прощальный взгляд, Барсук ринулся в безнадёжный бой. Он бился с яростью, вызванной отчаянием, и вот истерзанное тело змеи перестало дёргаться. Маленький зверёк с усилием поднялся над телом поверженного врага, но не смог устоять на ногах и тяжело рухнул на землю.

— Барсук! — Крыска вырвалась из оцепенения и бросилась к другу. — Барсук, не умирай!

— Крыска, — улыбнувшись прошептал Барсук и судорога исказила его черты, — Крыска, всё в порядке, посмотри вокруг...

Крыска подняла голову и увидела самое прекрасное в её жизни ночное небо; мягкий лунный свет проникал через неплотную листву и равномерно освещал всё вокруг.

Обернувшись, она увидела, что луна окрасила шерстку Барсука в серебро, а в его глазах отражаются звёзды.

Песнь о Проклятом

Слышишь морскую волну — это прибой,
Видишь лучи на воде — это закат.
Яркие звёзды владеют твоею судьбой,
Ты проклят навеки, но всё же этому рад.

Ты встанешь на путь Меча, и твёрдой рукой
Прорубишь дорогу себе через заросли Лжи.
Ненависть вспыхнет в душе яркой звездой,
Лишь будут ломаться об твёрдый панцирь ножи.

Но всё это будет потом, потом — а пока
Ты спишь и, наверное, сладкие видишь сны.
Лишь тихо плывут над твоей головой облака,
И кровавые битвы тебе ещё не нужны.

Так спи же, мой сын, отдыхай, набирайся сил...
Может быть, вскоре тебе предстоит долгий путь.
Пищи кровавой ты ещё не вкусил,
Но всё-таки поздно теперь назад повернуть.

Гимн Клана Фнах

Когда-нибудь нас звон мечей
Пробудит ото сна,
Мы постоим за Тьму и Честь
И отомстим сполна!

Нас привлекает крови вкус,
Нам жалость — звук пустой.
Кто слаб — тот лишь ненужный груз,
Не бойся — будь собой!

Добро и Зло — лишь инструмент,
Чтоб Истину познать
И чтобы выбрать тот момент,
Когда нам умирать!

Пусть враг силен, но всё же он
Испытывает страх,
Когда раздастся громкий клич:
«За Тьму! За Честь! За Фнах!»

Напоследок

«Во имя Тьмы!» — и до конца,
Вновь смертью смерть поправ,
Клинки вонзаются в сердца
Среди зелёных трав.

Вдали дыхание весны
Под водопадом лет
Звенит, поёт и видит сны
Про мягкий лунный свет.

И звёзды падают, горя —
Сжигают небосвод.
И вновь расстелится заря
Среди шумящих вод.

Всё это будет; снова ночь
Уступит ради дня.
И сон умчит сомненья прочь....
Не будет лишь меня.

Забвение

Город пал. Защитники сломлены.
Над руинами ветер стонет лишь.
Сиплым карканьем чёрные вороны
Собирают друзей на пиршество.

Чем, о Боги, мы вас прогневали?
Или вам до нас просто дела нет?
У дверей храма снежно-белого
Пали жрицы, истыканы стрелами.

Может, музы сейчас в забвении?
Или мы их неправильно поняли?
Но сторали наши творения,
Умирали творцы в агонии.

Смолкла песня, клинком обрублена,
Лютня в стену — звуком прощальным...
Так за что, за что же мы стублены?..
Где мы были — теперь молчание.

Белый вереск цветёт над курганами,
Призывает ветер к отмщению,
Тучи по небу — сочные, пьяные...
Да падёт на нас дождь забвением.

Ночной бред

Для Эгэлсйолли

Звёзды в небе, звёзды в глазах,
Белый туман за окном.
Пламя свечи развеет твой страх,
Неважно, что будет потом.

Пальцем ты пишешь музыку слов
На запотевшем стекле.
Звёздный мираж, наследие снов,
И чаша вина на столе.

Может, ты слышишь тихий мотив,
А может, это мой бред.
А возможно, тебя поглотил, не спросив,
Чарующий звёздный свет.

Танец теней от свечи на стене
Дарит тебе покой.
Сомнений не бойся, не бойся теней,
Попробуй быть просто собой.

Рыцарь Смерти

В соавторстве с Тэрфеном Овералем Силинесом

Ты девчонкою была,
Я любил тебя тогда,
Ты — красотка, я ж простой кузнец...
Я читал тебе стихи,
Ты смеялась от души,
И вот услышал я наконец:

«Ну и кто ж ты таков,
Что так тратишь много слов,
Иль в округе храбрых нет сердец?
В кузне меч ты куёшь,
Ну, а сам держал ли нож
Ты когда-нибудь в своей руке?»

Я тогда осерчал,
Молот свой тяжёлый взял
И в глубокий омут зашвырнул.
Выбрал в кузне лучший меч,
И гора свалилась с плеч,
Сел на лошадь и вперёд рванул.

Я рубил, убивал,
И пощады не давал,
А в глазах огонь безумья пел.
Я теперь — Воин Зла,
Убивать, сжигать дотла —
Больше ничего я не хотел.

Тьма в душе, в сердце Боль,
Дым и пламя за спиной,
И сверкает меч в моей руке.
Мой союзник — лютый Страх,
Гнев и ненависть в глазах,
Мчусь вперёд наперекор судьбе.

И теперь — я герой,
Слава стелется за мной.
Я теперь везде желанный гость.
Здравницы в мою честь,
Отовсюду льётся лесть,
Лишь одна застряла в горле кость.

Тьма в душе, боль в глазах,
Пятна крови на руках...
Взор мой режет безмятежность дня.
Под копытами коней
Гибнут все, кто был слабей,
Я погибну только от меча.

«Верный меч, мне скажи,
Не напрасно ли я жил?
Иль мне, может, лучше умереть?..
Щель в доспехах ты найдёшь,
Сердце чёрное пробьёшь,
И встречай меня подруга Смерть».

Мне ответил чёрный меч:
«Мне тебя не уберечь...
Если ты решил — да будет так.
Я найду в доспехах щель,
Уничтожу свою цель.
Сделай же скорей последний шаг».

Как воскрес — не знаю я, только помню Чёрный храм,
И лежал на алтаре белый жертвенный баран.
Тьма и Свет перемешались вдруг,
Я теперь никак не разберу, кто враг мне, кто мне друг.

Тьма в душе, но покой
Стал теперь союзник мой.
Чёрный меч был вложен в ножны мной.
Изменился я теперь,
Не люблю тебя, поверь.
Стал теперь совсем, совсем Иной.

Один на один

Что же отводишь взгляд? Неужели — боишься?
Не больно ты смел, когда — один на один.
Не бойся, я дам тебе время — лишь чтоб помолиться.
Если, конечно, услышит твой Господин.

Может, ты думал, что Смерть пощадит твою душу?
Вряд ли; хотя ты сейчас это поймёшь.
Враг мой, не верь мне, но всё же — хотя бы дослушай.
Кто поручится, что все слова мои — ложь?

Вас призывали верить — праведно, слепо...
Мой же девиз — всё и всегда проверять.
Вот мы схлестнулись... как же всё это нелепо!
Тьма мне свидетель — я не хочу убивать.

Если к тебе сейчас проявляю я жалость,
Ты, как всегда, укрепишься в вере своей.
Будешь и дальше бороться, отринув усталость.
Кровь будешь лить ради «вечных», «святых» идей.

Я, убивая тебя, как бы мщу ребёнку
За прегрешенья его «безгрешных» отцов.
Я понимаю это, да что тут толку...
Нельзя оставлять в живых таких «храбрецов».

Освобождение

Мне уже не подняться — пробита грудь;
Вряд ли я дотяну до заката.
Ты побудь со мной, осталось чуть-чуть,
Помолчим, как бывало когда-то.

Мне совсем не страшно, скорее легко,
Но, быть может, немного печально.
Я от вас не успел уйти далеко,
Не успел постичь свою тайну.

Я плевал в лицо куртизанке-судьбе,
Вот — она мне ответила тем же.
Затуманенный взор задержу на тебе,
Ты не слушай зубов моих скрежет.

Пусть кровавая пена течёт по губам,
В теле этом я, как в плену.
Но теперь сражаться придётся вам.
Завещаю вам эту войну.

Палач

Я, душу вверяя матушке Тьме,
Шею склоню под топор палача.
Был тяжек мой Путь, я сгорал на огне,
Лишь в подсвечнике тихо плачет свеча.

Я грешен, грехов моих ныне не счесть.
В лицо мне проклятья швыряла толпа,
Что было — растратил. Осталась лишь честь,
Презреньем платил я, не тратя слова.

Судья беспристрастный изрёк приговор,
Усмешка легла на лицо палача.
...И над головою вознёсся топор...
Преступник, судья и палач — это я.

Плач о Владыке Смерти.

На мотив «На поле танки грохотали...»

Над полем вороны кружили,
Зомби рвались в последний бой,
А молодого некроманта
Несли с оторванной ногой.

Он с силой на локтях поднялся,
И закричал своим врагам:
«Я видел море вашей крови,
Его пора увидеть вам».

Стрела, звеня, вонзилась в сердце,
И он издал последний вздох.
Неужто, братцы-некроманты,
Не отомстим мы за него?

Покрылся кровью чёрный посох,
И не ласкает больше глаз...
Лишь хрип пробитых вражских глоток
Послужит музыкой для нас.

Над полем дух его поднялся,
Чтобы собратьев известить,
Что он личом уже не станет,
Что мир спокойно может жить.

Лишь улыбнётся смерть-старуха,
Его в объятьях крепко сжав...
Он столько душ к ней в плен отправил,
Теперь в плену его душа.

Он храбр был, умён и дерзок,
Теперь в овраге он лежит,
Лишь струйка крови, как проклятье,
Вниз по щеке его бежит.

Сгустились тучи грозовые,
Над битвой грянул ураган...
Из трупов вражских над оврагом,
Могильный вырастет курган.